

УДК 882-3:882-53

ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКОЕ ПРОЧТЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ФОЛЬКЛОРНОГО ТЕКСТА

Т. С. Соколова*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет**e-mail:
Sokolova@bsu.edu.ru*

В статье рассмотрен ряд лингвометодических установок, которые способствуют должной объективности в исследовании языка региональных фольклорных произведений.

Ключевые слова: фольклорное произведение, фольклорный текст, язык регионального фольклора, сопоставительный анализ фольклорного слова, этнокультурная информация.

Введение

Одним из проявлений богатой духовной культуры, бытующей на Белгородчине, является многожанровое устное поэтическое творчество. В наше время пока отсутствуют пристальные лингвистические наблюдения над феноменом регионального фольклорного слова. В связи с этим любые частные исследования местного устно-поэтического слова считаем весьма необходимыми и актуальными. Лингвометодическое осмысление имеющегося в нашем распоряжении фольклорного материала по существу связано со многими вопросами современных научных направлений: лингвофольклористики, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, этнолингвистики и др. При многоаспектном подходе к изучению языка фольклорного произведения должен соблюдаться, на наш взгляд, ряд лингвометодических действий и определенная технология описания языковых реалий. Фольклористами прошлого и настоящего времени неоднократно подчеркивается мысль, что народные произведения иначе составляются, иначе оказывают свое влияние на среду, воспринимающую их, и поэтому иначе должны быть понимаемы и изучаемы. Разделяя данное положение, рассмотрим ряд лингвометодических установок и приемов описания, целесообразных, по нашему мнению, при изучении языка фольклора вообще и в его локальной реализации, имея при этом в виду, что синхронное состояние фольклорного языка – это определенный срез в общезыковом пространстве диахронии.

Теоретико-практическая часть

1. Региональные фольклорные источники. Региональная фольклорная карта довольно детализирована и создается на основе собирательского дела, материализованного в изданных сборниках устно-поэтических произведений, распространенных в различных районах Белгородчины. Назовем некоторые из них: Щуров В. М. Белгородское Приосколье. Песни Усердской стороны. – М., 1995; Народные песни сел Купино и Большое Городище Шебекинского района Белгородской области. – Белгород, 1995; Народные песни Белгородской области. Сост. Н. М. Элиаш. – Воронеж, 1970 и др., являющиеся весьма авторитетными изданиями для изучения своеобразности местного фольклорного слова. Рукописные источники – это также убедительное свидетельство активного бытования в наши дни регионального фольклора и собирательской деятельности. Приведем в качестве примера перечень жанров календарного цикла, который в рукописном оформлении (данные нашей картотеки) является свидетельством жанрового многообразия и широкого распространения обрядовой поэзии на Белгородчине. Обрядовые календарные жанры представляют тексты зимнего цикла (колядки, щедровки, славь, овсени, новогодние песни, тексты святочных посиделок, гаданий, игр); масленичные песни; тексты весенне-летнего цикла (веснянки, троичко-семицкие, купальские песни). Среди особых жанров отмечаем работные песни, которые близки к лирическим песням и к жанру заговоров-закличек. Ареалы фикса-

ции обрядовой поэзии – это сёла Алексеевского, Белгородского, Борисовского, Валуйского, Грайворонского, Губкинского, Ивнянского, Корочанского, Новооскольского, Прохоровского, Ракитянского, Ровеньского, Чернянского, Шебекинского и др. районов Белгородчины [1, с. 177 – 181]. Коллекторий изданных и рукописных текстов, которым мы располагаем, как источник для многоаспектного изучения свидетельствует, что Белгородский край известен различными фольклорными жанрами: обрядовыми песнями, причитаниями, плачами, текстами календарного цикла; историческими, лирическими, хороводными, игровыми, колыбельными песнями, сказками, преданиями, легендами и др.

Локальные разножанровые тексты, несомненно, отличаются авторитетностью в хронологическом плане, поскольку встраиваются в фольклор восточных славян еще с древних времен, органически сочетая в себе сюжетно-образный и структурно-языковой строй, эстетически отражающий познавательный опыт русского этноса.

2. Корреляты «фольклорный текст – фольклорное произведение». В лингвофольклористической текстологии принято различать понятия **произведение** и **текст**. Фольклорное произведение всегда одно, но может существовать во множестве текстов, устных и письменных. **Вариант** для текстологического изучения – это 1) фольклорное произведение в конкретный момент устной передачи, 2) несколько записей одного произведения. Запись – это фиксация варианта, его материальное закрепление. При лингвометодическом подходе к изучению регионального фольклорного материала необходимо учитывать и факты **атрибуции**. К ним текстологи относят соблюдение фольклорных традиций в произведении и принадлежность к отдельным исполнительским школам. Считаем, что необходимо также руководствоваться атрибуционными приёмами в исследовательском комментировании местных фольклорных источников. Приёмы атрибуции таковы: учет областных языковых различий; привлечение данных исторической диалектологии (добавим – и исторической лексикологии).

Особо подчеркнем, что **неадекватность фольклорного текста фольклорному произведению** – это также важный лингвистический критерий при его методическом осмыслении. Перед лингвофольклористом, в сущности, оказывается не произведение в устном исполнении, но зафиксированный в письменной форме текст. Письменный текст, как известно, не может отразить всех красок интонаций исполнителя, его мимики, жестов, мелодику и ритмику напева, которыми обычно оттеняется тот или иной семантический нюанс слова в устном исполнении. Заметим, что характер и место исполнения не безразличны и для современных исполнителей фольклорных произведений. До сих пор на северных территориях традиционно выдерживается сольное исполнение эпических жанров, на южных – хоровое. На Белгородчине дифференцируют, например, характер исполнения песни по месту: «Поют песни в церкви, но в миру песни играют в хороводе» [2, с. 3]. Наряду с этим, музыковеды-фольклористы, характеризуя певческую традицию Белгородчины, объясняют, что несколько резкая и энергичная подача звука обусловлена спецификой открытого пространства – ширью полей, лугов, мягким климатом, яркими свойствами характера и темпераментом местных жителей. Данные фоновые знания, на наш взгляд, также способствуют большей объективности при лингвистической интерпретации фольклорного слова.

Таким образом, следует признать, что фольклорное произведение не адекватно фольклорному тексту, что звучащее народно-поэтическое слово имеет свою силу воздействия. Считаем, что ритмика, мелодика фольклорного произведения в какой-то мере воспроизводится, поскольку читающий фольклорный текст опять переводит его в устную форму. При этом читательское понимание может быть полным именно при лингвистическом прочтении текста. Здесь решение вопросов может подсказать специальная литература о взаимосвязи устной и письменной форм речи в ее художественной обработке. Мы считаем, что в устно-поэтической культуре фольклорные произведения расположены не на границе, разделяющей их устное и письменное бытование.

Записанный фольклорный текст, отличающийся достоверностью, полагаем, по-своему совершенен и имеет своеобразное социокультурное предназначение [см. об этом подробно 3, с. 61 – 65].

3. Филологическое чтение фольклорного текста. По нашему мнению, свежесть зрительного, слухового восприятия народного произведения не исчезает, когда объектом изучения становится фольклорный текст, отличающийся семантической ёмкостью своего лексического и фразеологического строя. Фольклорный текст – это сложное кодированное сообщение. Для поверхностного прочтения достаточно знание языка, на котором произведение отражено в письменном виде, и минимум наиболее распространенных сведений о культуре народа, на языке которого оно создано.

Для исследователя фольклорного текста очень важно уметь его читать как письменный источник. Чтение, по замечанию Г. О. Винокура, – это особое искусство, которому нужно учиться. Филолог – мастер чтения, читающий так, что даже самые сложные типы содержания ему доступны. Понимание написанного, подчеркивает ученый, даётся годами, жизнями. О лингвометодическом плодотворном приеме – филологическом чтении, которое должно быть медленным, пишет Д. С. Лихачёв. Погружение в текст, полное растворение в нем, углубленное понимание – цель исследовательского медленного чтения [4, с. 68]. При медленном чтении неизбежно перечитывание строчки, текстового варианта фольклорного произведения, нескольких его вариантов и т.д. ради объективности и достоверности проводимого исследования. Лингвистическое погружение в содержание не осуществимо лишь в процессе пересказа фольклорного сюжета. Эстетический ореол смысла при этом меркнет, тускнеет. Эстетика смысла – это тоже неотъемлемая часть фольклорного произведения. Она может раскрыться лишь при условии, если читатель опять и опять медленно будет перечитывать текст.

4. Сопоставительный анализ данных языка фольклора – также необходимый лингвометодический приём при описании специфики локального устно-поэтического слова. Данный приём, полагаем, следует осуществлять в двух аспектах. **Внешний** сопоставительный анализ предполагает изучение фольклорных единиц в сравнении с фактами из других социолингвистических сфер русского языка: из говоров, диалектов, просторечия, разговорной речи, литературного языка в режиме его кодифицированных норм, а также языка художественной литературы (А). При **внутреннем** сопоставительном анализе возможно выявление жанровой специфики функционирования и семантического объёма, актуализируемого общепольклорными языковыми единицами (Б).

А). При **внешнем сопоставительном анализе** фольклорного языкового материала, прежде всего, необходимо его сравнение с реалиями литературного языка. Далее прокомментируем некоторые специфические черты фонетического, морфологического, лексико-семантического уровней, присущие языку белгородского фольклора, выявляемые на сопоставительном фоне с кодифицированными данными.

Известно, что белгородское языковое пространство с позиции приуроченности к территориальным диалектам входит в южнорусскую диалектную зону. В настоящее время в фонетической системе южнорусских говоров хорошо сохранился ряд архаичных звуковых черт еще древнерусской и старорусской эпох, которые присутствуют в звуковом облике белгородского фольклорного слова. Укажем на некоторые диалектные фонетические явления. В звучании местного фольклорного слова присутствует ряд разновидностей предударного и заударного вокализма. Диссимилятивное яканье как древнейшая диалектная произносительная особенность фиксируется в бассейне рек Оки, Сейма (Орел, Курск, Обоянь, Белгород). Суть диссимилятивного яканья со всеми вариантами заключается в том, что гласные в предударном и ударном слогах расподобляются: под ударением – верхний, узкий гласный, в предударном – низкий, широкий гласный, и наоборот. Например: н'асу́, н'асу́, с'астры́, к с'алу́, п'ат'ју́, п'ат'и́ (t'e, t'a → t'a + t(t') ú, ы́, ý); н'исла́ (или н'есла́), с'истра́ (или с'естра́), п'ита́к (t'e,

t'a→t'u(e)+t(t') á). Удивительное своеобразие тексту, наряду с диссимилятивным яканьем, придаёт недиссимилятивное сильное яканье / аканье, сопровождаемое отсутствием редукции гласных в слабых позициях: *Приняволила любить чужамужнюю жану. / Чужамужняя жана – лебёдушка белая* (Ох, уж ты, Порушка, Параня) [2, с. 229]. *Летая да порхая / Да сизай, глянистый голубчик* [Там же, с. 236]. *Раствляли твэты, / Раствляли твэты лазоревые* (Да у нас во лугу) [Там же, с. 274 – 275]. Из языкового прошлого местное фольклорное слово также хранит диалектные особенности в произношении шипящих согласных, заднеязычных мягких и др. *Она бела да румена / Ешио чернаброва* (У наших ворот) [Там же, с. 263]. *Михаил свою жану уча, / За штё, про штё он её уча? Она у его белёшунья, / Белёшунья, румянёшунья* (Дробный дождик землю мочит) [Там же, с. 294].

Диалектные морфологические факты также предстают как фольклорные реалии. См., например, смешение предложного падежа именных форм с дательным, за счёт чего создается ритмический фон песенной строки: *Ехал молодец из няволюшки / Да на сераму конёчку* (Ехал молодец из неволюшки. Историческая песня. Алексеевский район).

Что же касается диалектных лексико-семантических единиц, то они гармонично встраиваются в лексикон и становятся неотъемлемой компонентой для восприятия содержания местного фольклорного произведения. Так, в репертуаре белгородского фольклора отмечаются тексты с лексико-семантическими привнесениями, наряду с фонетико-морфологическими включениями, из украинского языка (Борисовский, Грайворонский, Ракитянский район и др.), что объясняется географическим соседством Белгородчины с Украиной. В свое время В. И. Даль о диалектах Курской губернии, частью которой с конца XVIII в. была Белгородская область, писал так: «...Уезды Корочанский, Грайворонский населены почти одними малорусами. ...Валуйки почти не отличаются по говору от Харькова. Сильное влияние малорусского наречия заметно по всей губернии, которая населилась при Алексее Михайловиче и Петре I: первый выселил туда мастеровых, военных людей, боярских детей; второй – матросов, стрельцов, рабочих, также боярских детей, отказавшихся от службы; они впоследствии из однодворцев обращены на оклад, и все это смешалось с малорусами...» [5, I: LXXIX]. В наши дни в звучании регионального фольклорного слова среди фонетических примет из украинского языка наблюдаем твёрдые согласные звуки (кроме шипящих [ж], [ш]) перед гласными переднего ряда [е], [и] - *поля[ни]ца*; наличие [и] на месте исконого [ê] – «ятя» в закрытых слогах - [д'ид]; присутствие [в] протетического - [вин]; удлинение этимологического [о] до [и] - [в'икно] и др. Наряду с явно фонетическими приметами, наблюдаем и морфемно-фонетические черты, сохранённые в украинском языке с древней поры: присутствие [з], [ц], [с] как результатов II палатализации - *на тарильци*, ср. с русской формой - *на тарелке*. Отмечаем также украинские вкрапления лексико-семантического характера: глаголу в 3 л. ед. ч. *пыта* в русском языке соответствует лексема *спрашивает*, слову *тай* – русский союз *и*, частице *чи* – русские *ли, или, разве* и т.д. *Прилетела ластивичка, тай пыта, пыта / Чи дома, дома пан-государь, / Сидит вин в конце стола* (Борисовский район). *Щедровало, щедровало, Пид виконце заглядало* (Ракитянский район). *Колядница-колядница, добра с маком поляница, С семечкой не така, дай, диду, пятака* (Борисовский район).

Выявление в текстовом массиве местного фольклора диалектных особенностей в аспекте сопоставительного анализа с нормами литературного языка, по нашему убеждению, не должно быть самоцелью, но его следует проводить для уяснения специфики фольклорного языка, постоянно во времени коррелирующего с данными из нефольклорного языка. На наш взгляд, своеобразие диалектного звучания во всех нюансах местного устно-поэтического слова как один из компонентов народной речевой культуры определяет его ценностную значимость в территориальном многоголосии российского фольклора.

Б). **Внутренний сопоставительный анализ** позволяет более убедительно показать, что лексикон языка фольклора – это совокупность систем языковых средств, одножанровых или являющихся общефольклорными, но со своими особенностями в семантике и в употреблении. В белгородских песнях функционирует традиционное общефольклорное сочетание **добрый молодец**, комплексно номинирующее мужской персонаж. *Добрый молодец Николаюшка / Он идет, идет, не шатается, / Русы кудри не воруются на ём* [6, с. 41]. Обратим внимание, что данная номинация имеет жанровое отличие в значении. В обрядовом тексте белгородскими исполнителями сочетанием **добрый молодец** подчеркивается молодость и красота жениха. Ср. с былинами, в которых отмечаются, прежде всего, волевые качества молодца-воина: *Ай как справляется, вооружается, / Ай как... добрый молодец, / Ай как нунь старый казак Илья Муромец* [7 (III): 74]. В былинах делается акцент на обозначении физической силы и крепости действующего лица, в свадебной песне – на его привлекательности. Это наблюдение свидетельствует, что язык каждого жанра своеобразен, в контексте которого общефольклорные единицы актуализируют смыслы, обусловленные его содержанием, образным строем и ситуативной приуроченностью в исполнении.

5. Далее представим один из возможных лингвометодических аспектов в описании регионального языка фольклора **как системы знаков и средств передачи этнокультурной информации**. При исследовании языка различных фольклорных жанров в данном аспекте существенно иметь в виду, что «генетически фольклор... сближаем не с литературой, а с языком, который также никем не выдуман и не имеет ни автора, ни авторов. Он возникает и изменяется совершенно закономерно и независимо от воли людей, везде там, где для этого и в историческом развитии народов создались соответствующие условия» [8, с. 138].

В фольклорном языке центром этнокультурной информации, транслируемой языковыми фактами, является человек. Из фольклорных жанров, в том числе и региональных, именно песня предназначена для человека, она сообщает об изменениях в его жизни, о его внутреннем состоянии. Исследователями-фольклористами подсчитано, что в классическом сценарии свадебного обряда участвуют до четырехсот персонажей, которые в фольклорном языке образуют уникальный пласт номинационных единиц. В лексико-семантическом строе песни в первую очередь привлекают внимание номинации, которые обозначают человека, и их синтаксическое окружение. Самыми богатыми по комплексу номинаций и их содержанию среди региональных жанров являются белгородские тексты свадебных песен. В региональных песенных текстах при обозначении человека – преимущественно жениха, невесты – онимом (именем, именем отчеством) осуществляется его выделение, индивидуализация из числа окружающих. Данная функциональная черта поддерживается обязательным синтаксическим присутствием признаков слов – прилагательных, традиционно используемых из тематической группы «Внешность человека, его оценка». Этнокультурную установку исполнителей – предпочтительно выделить внешние признаки главного персонажа – манифестируют адъективы, преимущественно выполняющие общеоценочную и частнооценочную функцию: **белый, добрый, красивый, красный, хороший, хорошенький**. Признакомые слова образуют в своём парадигматическом объединении особый языковой способ объективации ценностно значимых качеств человека, обязательно выделяемых по закону обрядового жанра. Функциональная семантика приведённых синонимических адъективов синкретичная. Они актуализируют одновременно такие значения: *‘отличающийся красивыми чертами наружности’* и *‘оказывающий в целом благоприятное впечатление’*. Так, прилагательные **красивая** и **хорошая** как контекстуальные синонимы при прямой оценке внешности женского персонажа употребляются в «свадебных» сочетаниях соответственно при имени и отчестве: **Красивая Татьяна, / Хорошая Ивановна, Ужо ли ты наша?** [6, с. 17]. Обратим внимание, что номинирование персонажа именем и отчеством в подобном синтаксическом окружении можно еще определить как фольклорное этикетное средство величания, представления действующего лица. Общефольклорное сочетание

красная девица следует рассматривать как единый семантический комплекс, обозначающий девушку, которая в меру красива, нормального роста, правильного сложения: *По двору, по двору / Ходила, гуляла красная девица / Хорошая Иванова...* [6, с. 20]. В региональном фольклорном тексте традиционно употребление прилагательного **белая** в «нецветовом» переносном значении при имени собственном: *Белая Таня / Танки водила, / Ой, лели, лели...* [6, с. 37]. В языке фольклора прилагательному **белая** свойственно положительное обозначение внешних качеств именно женских персонажей. Употребление слова **белая** как оценочного знака обусловлено тем, что белый цвет по отношению к внешности человека в фольклоре славянских народов осмыслялся как символ красоты.

Что же касается номинаций мужского персонажа - жениха, то в белгородских текстах оценочное прилагательное **хорошенький**, тематически согласуясь с «возрастным» прилагательным **младенький**, также находится в свободной сочетаемости с именем собственным: *Младенький да Михайлушка, / Да хорошенький, сказывай, / Куда девушки пошли?...* [6, с. 41]. Заметим, что фольклорная традиция определения такой внешней черты человека, как возраст, является общежанровой и последовательно соблюдается в региональном народном произведении. Анализ языковых реалий в этнокультурном аспекте способствует особому акцентированию признаков народной культуры: устности, традиционности, вариативности, синкретичности и др., которыми обладает региональное устно-поэтическое слово.

Заключение

Язык регионального фольклора – это средоточие источников, жанров, традиций, исторически глубинных взаимосвязей с различными социальными сферами русского языка. Разнообразие размышлений коллективного автора-народа сквозь призму жанровой специфики устно-поэтического языка о внешней и внутренней Вселенной человека особенно наглядно раскрывается при лингвистической интерпретации фольклорного текстового полотна, что способствует целостности восприятия сложного регионального общежанрового содержания. Лингвометодическое многоаспектное прочтение языкового материала из местных фольклорных источников позволило, на наш взгляд, аргументировать исследовательскую значимость белгородских фольклорных текстов, составляющих неотъемлемую и уникальную часть русской устной поэзии.

Список литературы

1. Соколова Т. С. Диалог человека с миром природы в фольклорном языке Белгородчины // Славянские чтения – 2010. – Старый Оскол: Оскол-Информ, 2010. – С. 177 – 181.
2. Щуров В. М. Белгородское Приосколье. Песни Усердской стороны. – М.: Композитор, 1995 – 360 с.
3. Соколова Т. С. Очерки по русской лингвофольклористике. – Белгород: Белгородск. гос. ун-т, 2002. – 188 с.
4. Лихачёв Д. С. Раздумья. – М.: Детская литература, 1991. – 318 с.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В IV томах. – М.: Русский язык. Медиа, 2003.
6. Народные песни Белгородской области. – Воронеж: Воронежск. гос. ун-т, 1970. – 246 с.
7. Гильфердинг А. Ф. Онежские былины: В III томах. – М.-Л.: АН СССР, 1949-1951 (в ссылке цифра в круглых скобках обозначает номер тома).
8. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – М.: Лабиринт, 2005. – 372 с.

LINGUISTIC-METHODIC READING OF REGIONAL FOLKLORE TEXTS

T. S. Sokolova

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
Sokolova@bsu.edu.ru*

In this article we show the number of linguistic-methodic purposes promoting the objectivity in the research of regional folklore texts.

Keywords: folklore work, folklore text, language of regional folklore, comparative analysis of folklore word, ethnocultural information.